

Н.А. МАКАШЕВА

Экономическая наука в эпоху трансформации

(Историко-методологический аспект)

Процесс социально-экономических изменений в бывших социалистических странах, получивший название трансформационного, затронул все стороны жизни общества. Активную роль в этом процессе играла общественная наука. В информативный век она получила большие возможности влиять на представления и действия людей и тем самым воздействовать на трансформацию, но и трансформация в свою очередь бросила вызов науке, стала фактором, повлиявшим на ее развитие. В этом сложном и противоречивом взаимодействии социального знания и социальной действительности экономическая наука оказывается на переднем плане.

Сегодня, после десяти лет реформ, и общество, и экономисты чувствуют некоторое разочарование в том, как экономическая наука отреагировала на вызов последнего десятилетия XX века. Оптимизм первых лет трансформации, когда казалось, что "правильная" западная наука, чей авторитет не в последнюю очередь подкреплялся результатами, достигнутыми западными странами, использовавшими результаты экономического анализа в экономической политике, сменился более трезвой оценкой возможностей экономической науки влиять на процесс трансформации. Причем речь идет как об адекватности накопленного аналитического арсенала поставленным в ходе трансформации задачам, так и о том, какие из множества существующих в экономической науке концепций выступили от лица всей науки и почему это произошло. Поставленная таким образом проблема требует специального рассмотрения, выходящего за рамки журнальной публикации, поэтому остановлюсь лишь на некоторых ее аспектах.

Прежде всего несколько замечаний, касающихся методологии. Наиболее признанная современная методологическая схема предполагает, что экономическая наука призвана изучать и описывать мир экономики, т.е. выявить существующие в нем закономерности. В этом и состоит аналитическая функция, составляющая ее содержание. Но наука не остается бесплодным знанием, ее достижения используются политиками. Последние ставят социально-экономические цели, способы достижения которых предлагают экономисты. Экономическая наука трактуется, таким образом, с инструменталистских позиций, т.е. как набор инструментов, к которому могут обращаться политики при решении тех или иных задач. Хотя подобная схема далека от действительности, она отражает наиболее сильную методологическую позицию, впервые последовательно и четко сформулированную в конце XIX века Дж.Н. Кейнсом (отцом знаменитого экономиста).

Эта схема, очевидно, предполагала строгое разграничение области аналитической (теоретической) и практической и, соответственно, позитивного и нормативного

Макашева Наталья Андреевна - доктор экономических наук, заведующая отделом экономики Института научной информации по общественным наукам РАН.

знания, т.е. экономической науки в собственном смысле и экономической практики-политики. Проблема оценки теории сводилась в рамках данной схемы к оценке ее логики, а также большей или меньшей по своему охвату эмпирической проверке ее предпосылок, утверждений и/или выводов. Сложность осуществления эмпирической оценки указанных составляющих теории порожидала стремление предложить некоторые компромиссные критерии. Так, в качестве критерия оценки теории как целого было предложено качество прогнозов, сделанных на ее основе. Эту позицию отстаивал М. Фридмен в своем знаменитом эссе 1953 года [1].

Следует подчеркнуть, что одним из фундаментальных предположений, на котором базировалась подобная методологическая схема, была предпосылка о полном отделении экономической науки как специфической области деятельности от среды, в которой она существует, а в конечном счете процесса роста знания от процесса социально-экономического развития. Разумеется, реальное развитие экономической науки не вписывалось в строгие рамки методологической схемы: сомнительные с точки зрения эмпирических фактов концепции не отбраковывались, а, скорее, уходили в тень, чтобы позже напомнить о себе в изменившихся условиях; экономисты, формулируя свои концепции, не оставались в рамках строгих терминов, а использовали неоперационные, нечеткие и неопределенные понятия, придавая своим концепциям "литературную" форму (например [2]), причем "литературность" была характерна практически для всех концепций, за исключением относящихся к чистой математике. Важно подчеркнуть, что "литературность" - не злая воля или результат недостаточной подготовленности, а следствие "погруженности" экономической науки как вида деятельности в реальные социально-экономические процессы.

Факт взаимовлияния экономической науки и ее окружения с особой остротой проявляется в некоторые периоды истории, к каковым, безусловно, относится период трансформации. Некоторые аспекты влияния социально-экономических процессов на экономическую науку и воздействия экономических идей на экономические реалии в связи с процессом трансформации будут рассмотрены ниже. Попытаемся также понять, каким направлениям развития экономической науки может способствовать противоречивый опыт трансформации.

Во взаимодействии экономической науки и реальности, которую она призвана отражать, решающее значение имеют два обстоятельства: *во-первых*, существование так называемого явления рефлексивности [3], *во-вторых*, социальный характер производства экономического знания. Рефлексивность предполагает, что участники экономических процессов способны обдумывать ситуации, складывающиеся в экономике, реагировать на них изменением типа своего поведения, причем в зависимости от своих представлений о реакции других участников, в том числе политиков и экономистов. Очевидно, что это явление оказывается особенно значимым при рассмотрении процессов в условиях неопределенности. Применительно к рынку капитала явление рефлексивности было проанализировано еще Дж.М. Кейнсом. Он описывал поведение инвесторов, которые, осознавая ограниченность и несовершенство собственного знания, ориентируются на поведение друг друга, пытаясь тем самым оценить тенденции, складывающиеся на рынке¹ [4]. Оказалось, что в таком случае рынок капитала подвержен постоянным и неизбежным колебаниям, причины которых - в особенностях психологии экономических агентов в условиях ограниченности знания и неопределенности. Если мы пытаемся в качестве действующих на социально-экономической арене лиц рассматривать и экономических агентов, и политиков, принимающих экономические

¹ В конечном счете суть процесса, который рассматривает Кейнс, состоит в том, что в силу ограниченности знания, располагаемого экономическими агентами, и они сами, и окружающая их среда изменяются во взаимодействии. Причем результаты этого взаимодействия оказываются принципиально неопределенными.

решения², и экономистов, влияющих на тех и на других, то экономическая наука уже не может быть отделена от экономической реальности. Это означает, в частности, необходимость отказаться от рассмотрения экономической политики как разработки некоторого плана, а экономической науки - как беспристрастного поставщика инструментов его реализации.

Разумеется, речь идет не об отказе от методологии, построенной на идее разграничения субъекта и объекта анализа и предполагающей эмпирическую проверку положений экономической науки, а о признании того, что существуют обстоятельства, побуждающие относиться к соответствующим процедурам с большой осторожностью. Это особенно важно, когда мы сталкиваемся с глубокими социально-экономическими преобразованиями, хотя бы уже потому, что экономическая наука и ее представители оказываются вовлеченными в формирование общественных представлений как о необходимости перемен, так и о путях их осуществления. Более того, они интерпретируют полученные в ходе реформ результаты и предлагают дальнейшие шаги по их реализации, короче говоря, "история, общество и содержательная экономическая наука оказываются важнейшими игроками на трансформационном поле" [5]. При этом значимыми оказываются не только содержательная сторона тех или иных экономических концепций, но и политические пристрастия ее приверженцев, а также риторические приемы, которыми они пользуются. Показательно, что в спорах по поводу стратегии реформ даже среди профессионалов широкое хождение получили такие эмоционально окрашенные и содержащие нормативные элементы термины, как "шоковая терапия" (в самом этом термине заложена неизбежность болезненных для общества, но ведущих к улучшению его положения мер). В дискуссиях использовались аргументы типа "нельзя перепрыгнуть пропасть в два прыжка", "естественные устремления собственников решат проблему эффективного использования ресурсов", "весь цивилизованный мир следует тому, что мы рекомендуем", "новое должно вызреть", "западные рецепты России не подходят" и т.д.

Символическим оказалось и само использование термина, обозначающего процесс перехода от плановой экономики к рыночной. Термин "transition" (переход) обычно употребляется теми, кто рассматривает реформы как переход от плановой экономики к некому заранее определенному желательному состоянию. Термин "transformation" (преобразование) употребляют, скорее, те, кто представляет реформы как открытый процесс изменений, для которых может быть определен лишь общий вектор, а результаты остаются неизвестными.

На появление и распространение нового экономического знания большое влияние оказывает его производство как общественный процесс; применительно к странам, в которых до недавнего времени здание экономической науки строилось на вполне определенной идеологической базе, - также пути и способы проникновения экономических идей из-за рубежа. И здесь мы обращаемся ко второму из указанных выше моментов.

Сегодня процесс производства экономического знания имеет квазиобщественный и конвенциональный характер. Как показывает вся история развития экономической науки, однозначная и объективная оценка истинности теории крайне затруднительна, а окончательный приговор ей практически никогда не выносится. Во всяком случае сторонники теории, эмпирическая достоверность которой оказалась сомнительной, всегда имеют возможность сослаться на "прочие равные условия", т.е. попытаться отнести неудачу на счет изменившихся исходных условий и тем самым "спасти" ее.

² Один из возможных, хотя и упрощенных способов учета рефлексивности, предлагает концепция рациональных ожиданий, которая, как известно, исходит из того, что экономические агенты способны соотносить мероприятия экономической политики, вызвавшие их условия и результаты, осознать эту политику как целенаправленное, рациональное действие и учитывать его при индивидуальном выборе. В итоге данная концепция настаивает на том, что систематическая экономическая политика, прежде всего кредитно-денежная, не может оказывать воздействие на уровень производства.

Трудности, связанные с эмпирической проверкой экономических теорий, невозможность постановки чистого эксперимента и строгого определения исторических рамок, в которых та или иная теория применима, - все это приводит к тому, что, как правило, научный дискурс оказывается несвободен от нормативных элементов и риторики. Можно сказать, что недостаточная убедительность критериев компенсируется ссылками на признанные авторитеты и эмоциональной силой доводов. При этом убедительность позиции зависит не только от качества аргументации, но и от характера аудитории.

Экономическое знание сегодня производится в тех научных и учебных центрах, где доминирует определенная позиция, задающая границы возможного новаторства и направление поиска. Можно сказать, что в производстве новых идей действуют групповщина и конформизм. В эволюционной экономике существует понятие "path dependence", означающее, что выбор в каждый данный момент в значительной мере зависит от прошлого и в свою очередь способствует поддержанию намеченной колеи развития. Это понятие вполне применимо к росту экономического знания: ученые, принадлежащие к определенной научной школе, занимаются исследованиями в рамках принятой этой школой парадигмы и своими работами ее укрепляют. Отсюда, если в большинстве университетов и исследовательских центров на Западе, и прежде всего в США, *mainstream economics* занимает господствующие позиции, то эта ситуация, скорее, воспроизводится, чем подвергается пересмотру. Ирония состоит в том, что хотя большинство экономистов *mainstream* "привержены принципам *laissez-faire*, исходят из суверенитета индивида, конкуренции, академическая экономическая наука в наше время чрезвычайно несвободна в выборе" [6]. Иными словами, люди, отстаивающие идеи *laissez-faire* в экономике, в отношении "рынка" экономических идей проявляют себя, скорее, как монополисты и олигополисты.

Что касается потребления продукта экономической науки, то оно имеет прежде всего общественный характер (хотя не только). Действительно, практические рекомендации, касающиеся регулирования, могут использовать только соответствующие органы управления. Однако это не означает, что производство экономических идей действительно ориентировано на общество в целом, от имени и в интересах которого должна осуществляться политика. Как отмечает Дж.Бьюкенен, экономист-практик, ориентирующийся на все общество, вряд ли найдет спрос на свой товар [7]. Этот товар будет востребован, если окажется полезным некоторым влиятельным группам, или коалициям. Причем, как известно из работ М. Олсона [8], влиятельны вовсе не самые многочисленные, а относительно небольшие, но способные к организованным действиям группы. Следовательно, процесс и производства, и потребления обществом экономического знания проходит некоторую фильтрацию: теоретическое знание фильтруется научным сообществом, причем не в целом, а отдельными его группами; на практическое же знание существенное влияние оказывают политические и экономические коалиции. Специфические черты этот процесс приобретает тогда, когда он оказывается соединенным с процессом проникновения новых идей из-за границы.

Процесс взаимопроникновения идей между различными национальными школами - явление, характерное для всей истории экономической мысли. Достаточно вспомнить обмен идеями между А. Смитом и физиократами в XVIII веке, распространение идей исторической и классической школ в Америке в XIX веке, марксизма в России и т.д. В случае, когда этот процесс происходил естественным, эволюционным путем, он предполагал, что некоторые местные идеи "прививались" к иностранным, делая последние более привлекательными для местного научного сообщества. Иначе дело обстоит в случае, когда изменение господствующей парадигмы оказывается результатом политических событий, как было, например, в России после Октябрьской революции или в странах народной демократии после Второй мировой войны. В обоих случаях марксистская политэкономия добилась победы в науке политическим способом.

Во многом с политическими обстоятельствами связана быстрая победа той совокупности идей, которую сегодня принято называть Вашингтонским консенсусом³, в странах, совершивших поворот от социализма к капитализму или вернувшихся к капитализму после относительно непродолжительного социалистического эксперимента. Так, в Чили до прихода к власти А. Пиночета идеи подобного рода существовали как некий интеллектуальный анклав и имели немногих сторонников среди чилийских экономистов, а после - поддержка была уже не нужна, так как обеспечивалась властью. Сторонники Вашингтонского консенсуса приняли диктатуру как условие создания рыночного порядка. Это вполне сочетается с абсолютной убежденностью в правильности соответствующей доктрины, в том, что ее распространение идет на пользу человечеству. Желание распространить ее превалирует над моральными соображениями, поскольку «всегда есть возможность оправдать подобное поведение тем, что "правильная" экономическая политика - каково бы ни было ее конкретное воплощение - обеспечит изменения, которые безусловно "почистят" грязный режим» [10].

Политический фактор проявил себя и в процессе прихода западной экономической теории в экономическую науку стран, совершавших переход к рыночной экономике в 1990-е годы. Представители *mainstream economics* способствовали созданию благоприятной среды для восприятия своих идей в бывших социалистических странах, полагаясь как на собственный авторитет и влияние в мировой (прежде всего американской) науке, так и на идеологические установки части новой элиты этих стран и ее негативное отношение к марксистской политэкономии, которое определялось прежде всего фактом крушения социалистической экономики. Важную роль сыграло и то обстоятельство, что в этих странах лишь очень небольшая часть экономистов имела представление о внутренних проблемах современной западной науки, о существовании многих школ, представители которых порой предлагают принципиально различные объяснения происходящих процессов и дают, соответственно, весьма несхожие практические рекомендации. Западная экономическая наука в лице *mainstream economics* предстала как единственная научная альтернатива марксизму, как нечто монолитное и имеющее простые ответы на важнейшие вопросы. В результате сформировался чрезвычайно упрощенный образ современной западной экономической науки, и именно он придавал научную респектабельность проводимым реформам.

Закономерно, что в подходе к трансформационному процессу проявились методологические и теоретические ограничения, характерные для *mainstream economics*, а именно, приверженность равновесному подходу, разрыв между микро- и макротеорией, игнорирование информационного, институционального и эволюционного аспектов. Причем история экономической науки дает нам примеры понимания важности пересмотра указанных принципов и преодоления ограничений, с ними связанных, прежде всего когда речь идет об анализе различных экономических систем и их трансформации.

Хрестоматийным примером подобного рода являются дискуссии о социализме, имевшие место в 20-30-е годы. Обращаясь к этим дискуссиям, нельзя не вспомнить одно курьезное для экономической науки обстоятельство. Несмотря на то что подавляющая часть экономистов исходила из тезиса о принципиальной неэффективности плановой экономики и, следовательно, о ее неминуемом крахе, проблема перехода от одного типа системы к другому, по существу, даже не была поставлена. Главным теоретическим достижением в исследованиях 30-х годов, занимающихся сравнением двух систем, была дискуссия о рыночном социализме, или социалис-

³ Этот термин предложил Дж. Уильямсон для обозначения некоторой социально-философской и социально экономической позиции, опирающейся на принципы экономического либерализма, и связанной с ней стратегии рыночных реформ, направленной прежде всего на повышение экономической эффективности и предусматривающей макроэкономическую стабилизацию, либерализацию и приватизацию, осуществляемые быстро и при минимальном учете социальных последствий [9].

тических расчетах. В ней противостоящими сторонами были Ф. Хайек, Л. Мизес, Б. Бруцкус и О. Ланге, А. Лернер, Ф.Тейлор⁴.

С методологической точки зрения основная особенность этой дискуссии состояла в том, что спорящие стороны, по существу, рассуждали в различных аналитических пространствах. Ланге, Лернер и другие, опираясь на модель общего равновесия, а позже и на основные теоремы теории благосостояния, показали, что может быть построена модель экономики, в которой достигается социально предпочтительное Парето-оптимальное состояние, иными словами, обеспечивается эффективная аллокация ресурсов и учитываются некоторые социальные приоритеты (например, запрет на излишнюю концентрацию экономической власти у отдельных фирм).

В отличие от обычной вальрасианской модели, в которой не затрагивались ни вопрос о перераспределении, ни проблема собственности-управления, в модели рыночного социализма предполагалось, что, поскольку в социалистической экономике средства производства принадлежат государству, доход на капитал может изыматься в его пользу. Это создает возможность перераспределения ресурсов в соответствии с общественными приоритетами. Считалось также, что во главе предприятий (или фирм) стоят не собственники средств производства, а госслужащие-менеджеры, которые действуют в соответствии с правилами максимизации прибыли⁵. Роль же абстрактного вальрасианского аукциона, определяющего вектор равновесных цен, была отведена тоже абстрактной, но имеющей реальное воплощение организации - Госплану, способному корректировать цены с учетом общественных предпочтений. Формальное доказательство возможности подобного рода модели и было предложено сторонниками модели рыночного социализма. Причем с точки зрения реалистичности условий, которые требовались для того, чтобы равновесие (т.е. Парето-оптимальное состояние) существовало, данная модель ничем не отличалась от равновесной модели рыночной экономики.

Критики модели рыночного социализма (Хайек, Мизес и др.) выдвинули два возражения - мотивационное и информационное. Суть первого: нет оснований полагать, что менеджеры предприятий будут действительно стремиться к решению оптимизационной задачи предприятия, а не к собственному благосостоянию, т.е. речь шла о проблеме собственности и контроля. Суть второго возражения сводилась к тому, что никакая организация - в данном случае Госплан - не может взять на себя функцию расчета цен. Причем дело не только в физической невозможности осуществить огромный массив расчетов, но и в качестве информации, которая циркулирует в децентрализованной рыночной системе, по сравнению с той, которая производится Госпланом. По существу, и Госплан, и аукционист Вальраса - конструкции, органически связанные и порожденные представлениями о хозяйственной системе, которые, по мнению представителей австрийской школы, были не просто упрощением действительности, но ее искажением. Речь шла прежде всего о представлениях о совершенной информации, о неизменности институциональных рамок и т.д. Таким образом, противники рыночного социализма критиковали с точки зрения реалистичности предпосылок не только модель рыночного социализма, но и модель Вальраса, и равновесный подход в целом.

Однако если сторонники рыночного социализма серьезно воспринимали подобную критику, то сторонники равновесной модели ее фактически проигнорировали. Возможно, это произошло потому, что австрийцы не предложили альтернативной модели рыночного хозяйства, а возможно, и потому, что в тот период многие идеи, которые сегодня мы связываем с институционализмом и эволюционной экономикой, не были еще достаточно четко сформулированы, не говоря уж об их формализации.

⁴ Об этих дебатах см., например [11, 12]. Обзор дебатов 30-х годов и их последующего продолжения содержится в [13, 14].

⁵ В модели типа Вальраса вопрос о собственниках и менеджерах вообще не поднимался. Фирма рассматривалась как монолитная хозяйственная единица, максимизирующая прибыль. Поэтому в принципе нельзя сказать, что эта модель не допускает появления нового экономического субъекта - менеджера.

Равновесная модель "устояла" и перед натиском новейших разработок и в других областях. Так, несмотря на то, что уже была написана книга А. Берля и Д. Минза, посвященная проблеме разграничения собственности и контроля в корпорации [15], а позже была сформулирована проблема "принципал-агент", имеющая непосредственное отношение к вопросу о контроле за ресурсами со стороны собственников и управляющих [16-18], в модели Вальраса по-прежнему собственность и управление не разграничивались.

В ходе дискуссии о рыночном социализме были заданы будущие рамки анализа двух систем на уровне как теоретических, так и практических (советологических) исследований. И плановая, и рыночная системы рассматривались как данные, т.е., говоря современным языком, заданной считалась их институциональная структура, прежде всего форма собственности. Причем вполне в духе ортодоксального марксизма форма собственности оказывалась основным и единственным различием моделей социализма и капитализма. В рамках равновесного подхода (сравнительной статике) рыночная и плановая экономики могли рассматриваться как два состояния, различающиеся формой собственности, изменения которой происходят экзогенно. Именно здесь в конечном счете коренятся истоки представлений о "прыжке" в новое качество в результате быстрой смены собственности, идет ли речь о национализации или о приватизации. Если в первом случае надежды связывались с тем, что Госплан осуществит необходимые расчеты, а руководители предприятий будут действовать в соответствии с интересами предприятий, то во втором ставка делалась на появление "контролирующего частного собственника", способного повысить эффективность использования ресурсов на предприятиях, переставших быть государственными.

Еще один исторический парадокс состоит в том, что хотя некоторые важнейшие аспекты проблемы трансформации обсуждались в 20-е годы в рамках дискуссий о формировании основ социалистической экономики в СССР⁶, именно потому, что речь шла о построении социализма, их позитивный результат остался невостребованным западной теорией. Эти дискуссии, если и привлекали внимание ученых, то историков мысли и хозяйства, а также советологов, но не теоретиков или методологов. Внутреннее неприятие западными экономистами социализма помешало им извлечь как теоретические, так и практические уроки из исторического опыта осуществленной когда-то, пусть и в обратном направлении, трансформации. Не были осмыслены ни "шоковая терапия" или, по словам Д. Стиглица, "блицкриг" большевиков [21], ни разочарования, связанные с попыткой реализации плана социального переустройства "на основе научной теории". В противном случае современные реформаторы, скорее всего, избежали бы излишне оптимистичных прогнозов и курьезных заявлений типа того, что юридические и институциональные основы рыночной экономики могут быть созданы за год [22].

Одна из важнейших философско-методологических коллизий, которая обнаружилась в 20-е годы в России в связи с разработкой стратегии перехода к социализму, касалась общих принципов трансформации. Речь идет о противостоянии двух подходов к определению этой стратегии - телеологического и генетического. Суть первого состояла в том, что создание новой экономической системы рассматривается как быстрый переход от одного состояния общества и экономики к другому, соответствующему некоему идеалу или проекту (см., например [20]). Суть второго заключалась в признании невозможности произвольного изменения социально-экономической системы и необходимости опираться на знание объективных тенденций ее развития при любых попытках целенаправленного воздействия на нее.

Например, в ходе дискуссии о планировании были поставлены, говоря современным языком, проблемы сочетания институциональных преобразований и макроэкономической стабилизации, вопрос о соотношении экономических и социальных приоритетов, долгосрочных и краткосрочных целей, проблема формирования органов управления, адекватных новой институциональной структуре, и т.д. (см., например

В 20-е годы русские политики и экономисты исходили из умозрительной конструкции - социалистической системы, главными атрибутами которой были государственная собственность и плановая экономика. Реальность, которую предполагалось изменить, определялась как полукапиталистическая стихия. Переход от второй к первой, осуществляемый в соответствии с планом (который один из приверженцев этого подхода называл "календарным отрезком партийной программы"), и был стратегией большевиков [20]. Именно этот подход в наибольшей степени соответствовал термину "утопическая социальная инженерия", предложенному К. Поппером, показавшим опасность подобного рода экспериментов над обществом [23].

На другой конец спектра можно было поместить "абсолютизированный эволюционизм", нормативным элементом которого является "панглосианизм" и который находит свое выражение в крайних формах доктрины *laissez-faire*. С точки зрения этого подхода любые целенаправленные попытки изменить существующий социально-экономический порядок недопустимы и в конечном счете обречены.

Разумеется, эти точки зрения редко представлены в чистом виде. Сегодня мало кто сомневается в возможности и необходимости социальных и экономических реформ. Проблема, однако, в том, что и как определяет цели и способы их осуществления. В 20-е годы в России речь шла о построении нового социального порядка как акте революционном, предполагающем реализацию социального идеала, почерпнутого из умозрительных рассуждений (названных научной теорией). Но и в этом случае телеологический подход не был единственным - ему противостоял генетический подход, признававший необходимость учитывать объективные тенденции развития при формировании целей и разработке плановых заданий и являющийся, по существу, методологическим и политическим компромиссом между крайними позициями. Наиболее известным представителем этого подхода был Н. Кондратьев.

Общее указание на возможность разрешения коллизии между "социальной инженерией" и невмешательством мы находим у Поппера в его идее "постепенной, или поэтапной, инженерии". Последняя отличается от "утопической" не только масштабами (при том, что в данном случае это больше, чем количественная разница), но и тем, что Поппер в данном случае исходил из несовершенства существующего порядка и его открытости, предполагал "идти от проблем" и постоянно осуществлять улучшения вместо того, чтобы стремиться быстро достичь умозрительного идеала⁷.

Когда ставится задача преобразования социалистической плановой экономики в рыночную, предполагается не реализация умозрительного идеала, а создание порядка, уже существующего в целом ряде стран⁸. Речь идет, следовательно, не о конструи-

⁷ Сегодня идеи Поппера пытаются развивать некоторые представители эволюционной экономики, которые в качестве альтернативы двум обозначенным крайностям выдвинули идею "скептического эволюционизма", полагающего, что общество всегда несовершенно, это не законченное образование, оно открыто для улучшений, которые являются вопросом опыта, а не "синоптического" проекта. Что же касается двух крайних позиций, то сторонники "скептического эволюционизма" считают их близкими в том смысле, что обе идеализируют некоторое состояние общества: "инженеры" - будущее, "панглосианисты" - настоящее [24].

⁸ Соединение умозрительного в широком смысле представления о хорошем социально-экономическом устройстве с конкретным историческим знанием и воплощение этого в теории - задача для титанов типа Смита. Как философ он исходил из идеи всеобщей гармонии, как экономист он увидел некоторые новые тенденции, указывающие на движение в сторону лучшего порядка, а как практик выступал за создание институциональной базы для их укрепления и развития. Все это вместе и есть "Исследование о природе и причинах богатства народов". Нечто похожее мы находим и у Маркса. Однако в отличие от Смита Маркс строил свою концепцию, опираясь не на свидетельства движения к новому обществу, появившиеся в старом, а на разрушительные для капитализма тенденции. Кейнс не пытался навязать обществу систему государственного регулирования, ограничивающую экономическую свободу, как это пытаются утверждать его критики, а стремился объяснить механизм возникновения вынужденной безработицы и найти ее решение так, чтобы это соответствовало новым тенденциям в экономике и обществе.

ровании, а о заимствовании, и последнее, в отличие от утопической социальной инженерии, не исключает положительной перспективы, но и не означает, что ясны пути достижения цели (характер, последовательность и скорость преобразований и т.д.) или что мы гарантированы от опасности инженерного максимализма и от ошибок, проистекающих из неразрешимости ряда теоретических проблем, присущих современной экономической науке.

Все это проявилось еще в 50-60-е годы при попытках быстрого преодоления отсталости стран "третьего мира". Тогда эта проблема трактовалась технократически, в духе телеологического подхода. Причем стратегия политики определялась методом "вычитания": из значений ряда важнейших экономических показателей (капиталовооруженности, объема инвестиций, уровня образования и т.д.) для развитых стран вычитались соответствующие значения для стран "третьего мира" и тем самым определялись конкретные задачи, причем предполагалось, что "контрольные цифры" достижимы прежде всего благодаря изменению потока финансовых ресурсов [25]. Сомнительные успехи подобной политики вызвали разочарование, но в целом не привели ни к отказу от технократического подхода в политике, ни к осознанию того, что эти неудачи связаны с проблемами в самой экономической науке, в том числе и чисто теоретического характера. В результате не только полной неожиданностью для экономистов стал крах социализма, но в анализе проблем перехода, особенно в первые годы, ведущие позиции опять занял теоретический подход, "пренебрегающий тем, что происходит в реальном мире, но к которому экономисты привыкли" [26]. И здесь мы должны обратить внимание на внутренние проблемы современной экономической науки, прежде всего ее наиболее влиятельной составляющей - *mainstream economics*.

Современная экономическая теория, как известно, представлена двумя разделами: микроэкономикой и макроэкономикой, описывающими экономический процесс с двух различных точек зрения. Микроэкономика изучает закономерности поведения экономических индивидов или их "хорошо определенных групп", которые выводятся из ряда априорных гипотез. Макроэкономика исследует крупные агрегаты, пользуясь характеристиками экономики как целого и зависимостями (полученными главным образом эмпирически) между ними. Проблема редукции, или дилемма микро- и макро-, состоит в том, что невозможно установить логические процедуры, позволяющие вывести макроэкономические зависимости из закономерностей индивидуального поведения или дать содержательную интерпретацию тем или иным макроэкономическим зависимостям.

Макроэкономические агрегаты - это статистическая конструкция, а макроэкономические зависимости - специфическое статистическое проявление меняющихся во времени и пространстве стереотипов поведения экономических субъектов [27]. Даже если полученные зависимости с точки зрения эконометрики и статистики безупречны, без знания лежащих в их основе моделей индивидуального поведения вряд ли можно давать этим зависимостям содержательную интерпретацию, полагаться на их устойчивость или делать обоснованные предложения о причинно-следственных связях, которые они выражают. Очевидно, что проблема редукции, кроме чисто теоретического, имеет большое практическое значение, поскольку макроэкономические зависимости используются при разработке практических рекомендаций. Хрестоматийный пример коллизии между микро- и макроподходами - вынужденная безработица в экономике, агенты которой ведут себя в соответствии с базисными принципами микроэкономики. По сути, теория Кейнса - попытка ответить на вопрос о том, каким образом модель рационального поведения индивида согласуется с эмпирическим фактом наличия вынужденной безработицы.

Что значит существование проблемы редукции в контексте процесса трансформации? Если мы исходим из того, что трансформация предполагает изменение стереотипа поведения экономических субъектов, а это, безусловно, так и есть, то использование макроэкономических зависимостей при анализе трансформационных

процессов требует особой осторожности. Причем не только потому, что под вопросом оказывается надежность макроэкономических зависимостей, но и потому, что существенно затрудняется их содержательная интерпретация. И суть проблемы здесь в изменениях, происходящих на уровне институтов, которые не учитываются традиционными моделями *mainstream economics*.

Если мы будем рассматривать существующие подходы к трансформации с точки зрения их теоретико-методологических основ, то окажется, что различий между ними не так много. Несмотря на существующее разнообразие позиций, совокупность идей, которую можно назвать широким подходом к трансформации, предлагает рассматривать ее как трехступенчатый процесс изменений, соединяющий:

- макроэкономическую стабилизацию, предполагающую остановку инфляции и стабилизацию национальной валюты и достигаемую средствами макроэкономической политики (прежде всего кредитно-денежной и фискальной);

- микроэкономическую либерализацию, имеющую целью устранение препятствий хозяйственной деятельности, установленных государством;

- коренную институциональную перестройку с целью создания важнейших институтов рыночной экономики, включая институт частной собственности, конкуренцию, налоговую систему и т.д., предполагающую приватизацию государственных предприятий, создание новых частных предприятий, защиту прав хозяйствующих субъектов и т.д.

Различия в подходах заключаются прежде всего в иерархии целей, акцентах и сочетаниях мероприятий, представляющих каждую из этих сторон и выражающихся в ответах на ряд вопросов: о причинах макроэкономической нестабильности (включая инфляцию), о роли государства (эффективность, масштабы и характер вмешательства) и рынка, о месте социальных ориентиров в иерархии целей экономической политики, о последовательности и темпах преобразований.

В зависимости от ответов на эти вопросы теоретической (а отчасти и социально-философской) позиции, которая эти ответы определяет, с большой степенью условности мы можем выделить следующие подходы: "реформаторский радикализм" ("монетаризм", "шоковая терапия"), "социально-демократический реформизм", "умеренный реформизм" и "трансформизм". Подчеркнем, что, несмотря на различные ответы на перечисленные выше вопросы и совершенно различные позиции по практическим аспектам, в методологическом плане первые три подхода оказываются весьма близкими: в их основе лежит равновесный подход, разграничение теории на микро- и макросоставляющие, рассмотрение институциональных изменений вне основных моделей.

Странники "реформаторского радикализма" усматривали причину нестабильности в бюджетном дефиците и связанном с ним искусственном завышении спроса и занятости, полагали, что государство не способно проводить реформы и его роль в экономике должна быть сведена к минимуму, рассматривали рынок как единственное средство обеспечения экономической эффективности. Они исходили из того, что макроэкономическая стабилизация должна предшествовать институциональным преобразованиям, стабилизация и приватизация должны осуществляться быстрыми темпами. Инфляция трактовалась как денежный феномен, контроль над денежной массой вместе с сокращением бюджетного дефицита - как основной путь борьбы с ней. Признавалось, что при отсутствии институтов рынка сокращение производства и высокие социальные издержки на начальном этапе неизбежны, но, поскольку экономическое возрождение ожидалось достаточно скоро, с этими обстоятельствами предлагалось смириться.

В рамках этого подхода заметную роль играл фридменовский монетаризм, который выступал и как теория денег (определяя тем самым макроэкономическую позицию), и как более широкая концепция, включающая идеи экономического либерализма в их достаточно прямолинейной трактовке в признающая теорию равновесия как микрооснову макротеории. Внутри этого направления существуют

личные точки зрения по ряду вопросов, имеющих прежде всего практическо-политическое значение, например по вопросу о "наличных условиях" и соотношении структурных и макроэкономических аспектов реформ и т.д. К числу сторонников этого подхода относятся как радикалы Дж. Сакс, А. Ослунд, С. Гомулка, так и более умеренные Я. Ростовский, М. де Мело, А. Гэльб, Н. Штерн, включая также Л. Бальцеревича и Г. Ролана, выдвинувших тезис о необходимости учитывать политические факторы при анализе реформ и их последствий. Эти ученые, стремясь расширить рамки экономического анализа и двигаясь в направлении "политэкономии радикальных реформ", высказывают идеи, созвучные представителям "трансформационного" подхода [28-31].

Представители "социал-демократического реформизма" (Дж. Этуэл, М. Элман, Д. Нути и др.) причину нестабильности видели в либерализации, осуществленной на фоне накопленных диспропорций, неблагоприятной ситуации на мировых рынках. Они исходили из того, что рынок обеспечивает эффективное использование ресурсов только в сочетании с целым рядом институтов социальной ориентации (по их мнению, справедливость и эффективность не являются антиподами), что безработица - приоритетная проблема, что кредитно-денежная политика способна обеспечить лишь временную стабилизацию цен (кривая Филлиписа имеет отрицательный наклон в рамках короткого периода), что долгосрочная стабилизация - результат всеобъемлющих и постепенных реформ, включающих изменение налоговой системы, перестройку системы управления, борьбу с коррупцией, осуществляемых при активном участии государства. Базис подобного подхода - либеральное кейнсианство с элементами социал-демократических программ [32].

В рамках "умеренного реформизма" макроэкономическая нестабильность объяснялась отсутствием гибкой системы цен в условиях монополизма, инфляция трактовалась, скорее, как феномен структурный (кривая Филлиписа не работает). Первостепенное значение придавалось институциональным преобразованиям (включая реформу налоговой системы, приватизацию, создание финансовой системы и т.д.), которые следует проводить до макроэкономической стабилизации (хотя по этому вопросу не было единства мнений) постепенно и при активной роли государства. Теоретической основой в данном случае выступает ортодоксальная кейнсианская макротеория, дополненная элементами структурного подхода (Р. Портес, Г. Кальво, Ф. Коричелли и др.) [33].

"Трансформизм" - это обращенная к трансформационной проблематике грань совокупности новых концепций, пытающихся пересмотреть концептуальные основы экономики *mainstream* и направить развитие экономической теории в новое русло. Для этого направления, объединяющего новый институционализм, теорию информации, эволюционную экономику, конституциональную экономику, теорию коллективных действий (что позволяет назвать его "институционально-эволюционным"), трансформационная проблематика важна не только и не столько сама по себе, сколько как повод для размышлений о внутренних проблемах современной экономической науки и путях ее дальнейшего развития.

В центре внимания представителей этого направления находятся институты и организации, их возникновение и развитие как результат рационально действующих во взаимосвязи друг с другом и с изменяющейся средой индивидов. Этот подход выходит за рамки традиционной экономической науки в область социологии, политологии, культурологии. Так, экономическая политика - формирование ее целей и механизмов их реализации - рассматривается в качестве процесса взаимодействия политиков и бюрократов, преследующих собственные интересы в рамках сложившихся и в то же время изменяющихся управленческих структур, политических объединений, наконец, культурных стереотипов.

Применительно к трансформационным проблемам это означает стремление рассматривать соответствующие процессы прежде всего как изменения институтов и организации в ходе коллективных действий, которые могут привести к результатам,

не отвечающим интересам общества⁹. Одной из центральных проблем трансформации становится проблема возникновения новых рыночных институтов и их взаимодействия со старыми. Задача экономической политики понималась как осуществление макроэкономической стабилизации на фоне и во взаимодействии с институциональной реформой, которая предусматривала создание новых институтов и организаций при сохранении некоторых старых. Это означало, в частности, перенесение акцента с приватизации на меры по стимулированию создания новых частных предприятий при сохранении контроля над государственными предприятиями. Очень важным и полностью игнорируемым в рамках других подходов является вопрос об организационном реформировании самого государственного сектора не только как одного из игроков на трансформационном поле, но важнейшей силе в экономико-политической жизни современного общества. К числу сторонников данного подхода относятся Бьюкенен, Сиглиц, Олсон, Мюррел и др. [34-38]. С точки зрения истории и методологии экономической науки данный подход отличается от указанных выше тем, что он связан не столько с попытками выбрать из уже имеющегося арсенала аналитических средств подходящие к решению проблем трансформации, сколько с попытками увидеть в этих проблемах контуры исследовательских задач экономической теории ближайшего будущего.

Крах социалистического эксперимента, проблемы, которые возникли в связи с осуществлением перехода от плановой к рыночной экономике, поставили перед экономической наукой целый комплекс вопросов, ответы на которые далеко не всегда удовлетворяли как самих экономистов, так и общество в целом. Причины такого положения в конечном счете кроются в сложившейся и разделяемой большинством научного экономического сообщества парадигме, тенденция в сторону пересмотра которой и может стать позитивным результатом воздействия трансформационного процесса на экономическую науку. Эволюция науки - не менее сложный и противоречивый процесс, чем эволюция объекта ее изучения. Поэтому мы не можем ожидать, что движение в сторону новой парадигмы будет легким и быстрым, но оно неизбежно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994. №4.
2. Аллее М. Современная экономическая наука и факты // THESIS. 1994. № 4.
3. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. М., 1999.
4. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости // Истоки. М., 1999. Вып. 3.
5. Murrell P. The Transformation According to Cambridge // Journal of Economic Literature. 1995. March. P. 165.
6. Galbraith J.K. What is To Be Done (about Economics) // Foundation of Research in Economics. How Do Economists Do Economics? Chaltenham, 1996. P. 77.
7. Buchanan J.M. Economics as a Public Science // Foundation of Research in Economics. How Do Economists Do Economics? Chaltenham, 1996. P. 32.
8. Olson M. The Logic of Collective Action. Cambridge, 1965.
9. Williamson J. What Washington mrans by Policy Reform? // Latin American Adjustment: How much Has Happend? Washington, 1990.
10. Barrer W, Chile con Chicago // Journal of Economic Literature. 1995. December. P. 1447.
11. Collectivist Economic Planning. London, 1933.

⁹ При таком подходе коррупция рассматривается как норма, являющаяся следствием подобных коллективных действий и влияющая на характер рационального поведения экономических субъектов, а следовательно, на характер устанавливающегося в экономике положения равновесия и на потенциал экономического роста. Процесс установления этой нормы, впрочем, и некоторых других, обладает характеристиками, известными в эволюционной экономике как "зависимость от предыдущего" и "взаимодействие со средой". Первая означает, что выбранный однажды стереотип поведения задает рамки будущих его изменений, а вторая - что чем больше агентов воспринимают ту или иную норму, тем большее воздействие она оказывает на среду, а следовательно, и на поведение всех агентов.

12. *Lange O., Taylor F.* On the Economic Theory of Socialism. Minneapolis, 1938.
13. *heal G.M.* The Theory of Economic Planning. North Holland, 1973.
14. *Balcerowicz L.* The "Socialist Calculation Debate" and Reform Discussions in Socialist Countries// *Balcerowicz L.* Socialism, Capitalism, Transformation. Budapest-London, 1995.
15. *Berle A., Means G.* The Modern Corporation and Private Property. New York, 1932.
16. *Stiglitz J.* Information and Economic Analysis // Current Economic Problems. Cambridge, 1975.
17. Information and Economic Analysis: A Perspective // Economic Journal. 1985.
18. Information and Economic Analysis. Oxford, 1993.
19. *Кондратьев Н.Д.* План и предвидение. Критические заметки о плане развития народного хозяйства // *Кондратьев Н.Д.* Проблемы экономической динамики. М., 1989.
20. Каким быть плану: дискуссии 20-х годов. М., 1989.
21. *Stiglitz J.* Whither Reform? Ten Years of the Transition // World Bank. Annual Bank Conference on Development Economics. Washington, 1999. 28-30 April.
22. *Sacha J.* Poland and Eastern Europe: What is to be done? // Foreign Economic Liberalisation: Transformation in Socialist and Market Economies. Boulder, 1991.
23. *Поннеп К.* Открытое общество и его враги. М., 1992.
24. Evolutionary and Neo-Schumpeterian Approaches to Economics. Boston, 1994.
25. *Kindleberger Ch.* Review of "The Economy of Turkey; the Economic Development of Guetemala; Report on Cuba" // Review of Economics and Statistics. 1952. Vol. 34.
26. *Coase R.* The New Institutional Economics // American Economy Review. 1998. May.
27. *Полтерович В.М.* Кризис экономической теории // Труды научного семинара "Неизвестная экономика". М., 1997. Вып. 2. С. 23.
28. *Ростовский Я.* Макроэкономическая нестабильность в посткоммунистических странах. М., 1997.
29. Changing the Economic System in Russia. London, 1993.
30. The Transition in Eastern Europe. Chicago-London, 1994. Vol. 1,2.
31. Lesson from the Economic Transformation: Central and Eastern Europe in 1990's. Norwell, 1997.
32. Transformation and Integration. London, 1995.
33. Transition to the Market Economy: Critical Perspectives on the World Economy. London-New York, 1997. Vol. 1-4.
34. *Мюрелл П.* Эволюция экономической теории и экономических реформ в странах с централизованным плановым хозяйством // Становление рыночной экономики в странах Восточной Европы. М., 1994.
35. The Emergence of Market Economies in Eastern Europe. Cambridge, 1992.
36. Institutions and Economic Developmeny. Baltimore, 1997.
37. *Buchanan J.* Post-Socialist Political Economy Edward Elgar. Cheltenham-Lyme, 1997.
38. *Stiglitz J.* Whither Socialism? Cambridge-London, 1994.